

днажды жили дѣдъ да баба, и были у нихъ двѣ внучки-сиротинки, такія-то красотки, добрыя да смиренныя, что дѣдъ съ бабой на нихъ радоваться не могли. Вздумалъ разъ дѣдъ со внучками въ поле сходить, на горохъ посмотреть, и видитъ, что горохъ у него уродился славный. Полюбовался дѣдъ со внучками, и говоритъ: «Ну, этого гороху намъ на всю зиму хватить—то-то мы изъ него киселя наваримъ, пироговъ съ горохомъ напечемъ!» И посылаетъ дѣдъ на другое утро старшую внуч-

ку, говорить: «ступай, отъ гороха воробьевъ отгоняй». Съла внучка возлѣ гороха, хворостиной машеть, приговариваетъ: «кишь-кишь воробьи! Полно вамъ дѣдовъ горохъ клевать!» И вдругъ слышитъ: въ лѣсу шумить, трещить—идеть Верлюка, ростомъ высокій, сбѣ однимъ глазѣ, носъ крючкомъ, борода клочкомъ, усы въ поларшина, на головѣ щетина, на одной ногѣ, въ деревянномъ сапогѣ, костьюлемъ подпирается и все зубы скалить — ухмыляется. Подошелъ онъ къ красавицѣ-внучкѣ, схватилъ ее и утащилъ къ себѣ, за озеро. Дѣдъ ждалъ, ждалъ — нѣтъ внучки; послалъ за нею младшую. Верлюка и ту прибралъ. Дѣдъ опять ждетъ-пождетъ, и говоритъ женѣ: «что-то внучки такъ опозднились! Чай онѣ тамъ разбѣгались, развозились, либо съ парнемъ съ какимъ какъ сороки трещать, а воробьи тѣмъ временемъ нашъ горохъ лущать! Сходи-ка, старуха, поучи ихъ уму-разуму!» Старуха съ печки сползла, въ углу палочку взяла, за порогъ перевалилась — и домой не воротилась. Какъ увидалъ ее Верлюка въ полѣ, такъ и завопилъ: «чего тебѣ тутъ надо, старая? Али горохъ стеречь приплелась? Такъ я-же тебя тутъ и на-вѣкъ въ горохѣ оставлю!» Да какъ приметя старуху своимъ костьюлемъ потчивать — мало-мало духу изъ нея не вышибъ, еле живую ее на полѣ оставилъ...

Не дождался дѣдъ ни внучекъ, ни старухи, и давай ворчать на нихъ: «Ишь вѣдь какъ запропастились! Не даромъ говорятъ — отъ нашего ребра не ждать намъ добра». Поплелся дѣдъ къ гороху, и видитъ — лежитъ его старуха, такъ избита, что ее и узнать нельзя, а внучекъ и слѣдъ простылъ. Взвиль нашъ дѣдъ, поднялъ старуху, едва-едва до дому дотащилъ, едва ее водой холодной отпоилъ, и толь-

ко уже какъ очнулась она, узналъ дѣдь, кто ее такъ изувѣчилъ, и кто внучекъ его съ поля утащилъ. Осердился старикъ на Верлюку, и говоритъ: «вотъ еще какія штуки! Постой, братъ, у самихъ есть руки! Ты Верлюка, да и я-то тоже самъ-съ-усамъ! Задѣлъ рукой, заплатишься головой!» И какъ его не отговаривала старуха, дѣдь захватилъ съ собой желѣзный костыль и отправился Верлюку отыскивать.

Идетъ-идетъ и видитъ прудокъ, а на прудкѣ плаваетъ куцый-селезень. Увидалъ онъ дѣда, да и кричитъ: «такъ, такъ, такъ! Здоровъ дѣдь на столѣтъ! Я тебя здѣсь давно поджидаю». — «Здорово, селезень, отчего же ты меня поджидаешь?» — «Да зналъ, что ты за внучекъ да за старуху вступишься и къ Верлюгѣ пойдешь на расправу!» — «А ты развѣ это чудище знаешь?» — «Такъ, такъ, такъ», кричитъ дѣду селезень, «мнѣ ли его не знать? Онъ мнѣ и хвостъ оборвалъ!» — «И жилье его ты мнѣ покажешь?» — «Такъ, такъ, такъ», кричитъ селезень, «вѣдь я хоть и невелика птица, а все же мнѣ за хвостъ мой отплатить ему хочется». — «Ну, такъ ступай же впередъ, показывай дорогу! Ты, я вижу, хоть и куцый, да умный!» Вышелъ селезень изъ воды и пошелъ по бережку, съ богу-на-богъ переваливаясь.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ бичевочка, говоритъ: «Здравствуй, дѣдушка, умная головушка!» — «Здравствуй,

бичевочка!» — «Какъ живешь, куда бредешь?» — «Живу и такъ и сякъ; а иду къ Верлюгѣ на расправу: старуху мою избилъ, двухъ внучекъ къ себѣ утащилъ; а внучки-то такія славныя!» — «Возьми меня на подмогу!» Дѣдъ подумалъ: «И то взять! Можетъ пригодится Верлюку связать». И сказалъ бичевочкѣ: «полѣзай за нами, коли знаешь дорогу». И поползла за ними бичевочка, словно змѣйка тоненькая.

Идутъ-идутъ, — видятъ — на дорогѣ лежитъ колотушка, да и говоритъ: «Здравствуй, дѣдушка, умная головушка!» — «Здравствуй, колотушка!» — «Какъ живешь, куда идешь?» — «Живу и такъ и сякъ; а иду къ Верлюгѣ на расправу. Подумай: старуху избилъ, двухъ внучекъ къ себѣ утащилъ, а внучки-то такія славныя!» — «Возьми меня къ себѣ на подмогу!» — «Ступай за нами, коли знаешь дорогу». А самъ думаетъ: «колотушка и впрямь пригодиться можетъ». Колотушка поднялась, ручкой въ землю уперлась и за дѣдомъ понелась.

Пошли опять. Идутъ-идутъ, а на дорогѣ желудъ лежитъ и пищитъ: «Здравствуй, дѣдъ долгоногой!» — «Здравствуй, желудъ дубовой!» — «Куда ты это такъ шагаешь?» — «Иду Верлюку бить, коли знаешь?» — «Какъ не знать; возьми меня на подмогу?» — «Да чѣмъ ты поможешь?» — «Не плюй, дѣдъ, въ колодець — достанется водицы испить». Дѣдъ подумалъ: «а пускай его!» и говоритъ желуду: «плетись позади!» Да какое плетись! Желудъ такъ и скачетъ впереди всѣхъ.

И пришли они въ густой лѣсъ, дремучій, а въ томъ лѣсу избушка стоитъ пуста пустѣхонька. Огня въ печи нѣтъ, а на шесткѣ стоитъ пшенная каша. Желудъ не

промахъ — сейчасъ вскочилъ въ кашницу; веревочка растянулась на порогѣ, колотушку положилъ дѣдъ на полку, селезня пустилъ на печку, а самъ сталъ въ углу. Вдругъ слышитъ—въ лѣсу стучить, трещить—идетъ Верлюка на одной ногѣ, въ деревянномъ сапогѣ, костьюлемъ подпирается, во весь ротъ ухмыляется. Пришелъ Верлюка въ избу, кинулъ дрова на землю и сталъ въ печи огонь поправлять. А желудь, сидя въ кащицѣ и затянуль пѣсню: «пи! пи! пи! Мы Верлюку бить пришли!» Озлился Верлюка, да какъ хватить кулакомъ по чашкѣ: чашку разбилъ, каша во всѣ углы разлетѣлась, а желудь изъ горшка выскочилъ да щелкъ Верлюку въ его единственный глазъ — и послѣдній вышибъ. Завошилъ Верлюка, заметался въ стороны, бросился было къ двери, да не тутъ-то было: веревочка оплелась у него около ногъ, и упалъ Верлюка на порогѣ. Колотушка на него съ полки, а дѣдъ съ желѣзнымъ костьюлемъ изъ угла, и давай его потчивать; а селезень съ печки во всю глотку кричитъ: «такъ, такъ, такъ его, бей, не жалѣй!» Не помогли Верлюкѣ ни злоба, ни сила — уходилъ его дѣдъ желѣзнымъ костьюлемъ, а потомъ всю его избу раззорилъ, подиолье подъ избой вскрылъ, оттуда внучекъ своихъ вывелъ и всѣ богатства Верлюки домой къ старухѣ притащилъ. И сталъ онъ съ бабой да со внучками жить да поживать, да свой горохъ подѣдать. Вотъ вамъ и сказка—а мнѣ бубликовъ вьзка.

